

К. А. МАСЛИНСКИЙ
(Санкт-Петербург)

Модели вариативности в фольклористике (опыт формальной постановки проблемы)

Необходимость описания и анализа вариативности фольклорного текста является одним из незыблемых столпов фольклористического исследования. В теоретических работах, посвященных вариативности как фундаментальной категории фольклора, неоднократно указывалось, что вариативность представляет собой обратную сторону стабильности, устойчивости текста¹, способом и одновременно условием существования традиции², а инвариант не может рассматриваться как самодостаточный результат в отрыве от парадигм варьирования, на основании которых он получен³.

Однако практика многих частных исследований фольклорного материала показывает, что гораздо чаще оказываются в фокусе внимания и подвергаются систематическому описанию наблюдаемые *сходства* (словесные, формульные, тематические, сюжетные совпадения вариантов). Систематическое описание меры и характера *различий* между вариантами представляет значительно большую трудность, в том числе в силу сложных взаимопересечений вариантов, характеризующих практически любой корпус фольклорных текстов.

Показательно, что когда в теоретических работах характеристика вариативности дается в отвлечении от конкретного материала, исследователи зачастую прибегают к метафорическому языку для описания того или иного характера изменчивости фольклорного текста. Даже если не рассматривать в качестве метафорического уже стершееся выражение *механизмы варьирования*, основной порождающей областью для подобных метафор служат механические процессы (шлифовка, свертывание и развертывание, вибрация, колебания маятника и т. п.), воплощающие идею деформации и отклонения от некоторой структурной основы (инварианта).

Как нам представляется, отсутствие в распоряжении исследователей адекватного формального инструментария для описания вариативности приводит к тому, что изучение изменчивости фольклор-

ного текста на конкретном материале оказывается односторонним: собственно различия между вариантами преимущественно остаются в тени инвариантных схем. Цель данной работы — предложить один из возможных подходов, позволяющий сводить в систему (инвариант) не только сходства, но и различия в корпусе вариантов, что должно приблизить нас к систематическому и типологическому описанию вариативности в разных фольклорных жанрах.

Для дальнейшего изложения введем понятие *модель вариативности*, под которой будем понимать любую характеризующую корпус текстовых вариантов модель, где в рамках одной структурной схемы противопоставлено постоянное и переменное в текстах (схема здесь понимается как набор так или иначе упорядоченных единиц).

Прежде всего обратимся к существующим способам описания (точнее, записи) вариативности текста. Наиболее простым и широко употребляемым, в том числе за пределами фольклористики, является перечисление ряда вариантов текстового фрагмента непосредственно в тексте. Самыми распространенными графическими средствами, оформляющими такую запись, являются скобки и косая черта (слэш). Данный способ записи позволяет отразить лексическое варьирование в отдельной, контекстно заданной позиции текста, характерное, в частности, для многих поэтических жанров.

А. Б. Лорд описывал вариативность эпической формулы при помощи так называемой *системы* (табл. 1). Устойчивая ритмико-синтаксическая структура формулы позволяет выделить в ней две (или более) лексических позиции и для каждой позиции выписать представленные в текстах лексические варианты. «Система» Лорда как модель описания вариативности, помимо структурной интерпретации формулы в терминах позиций, содержит допущение о независимости позиций: любые два варианта из разных столбиков могут быть соположены, так как модель не содержит никакой информации об ограничениях на сочетаемость.

Таблица 1. Система, моделирующая вариативность формулы⁴

заседну заседем заседе заседи засеоД	}	ѳогата	[«серого коня»
		кочију	«повозку»
		дората	«гнедого коня»
		парипа	«беспородную лошадь»
		хажвана	«домашнее животное, животину»
		малина	«коня»
		бийьека	«верховую лошадь»
		мркова	«гнедого коня»
		вранина	«вороного коня»
		мензила	«вестового (почтового) коня»
		штурика	«конягу»
		зекана	«серого (в яблоках) коня»
еждраља	«коня в сбруе со змеевидными украшениями»]		

Схемы Лорда и простое перечисление вариантов можно отнести к одному классу моделей вариативности, где постоянным свойством выступает структурная позиция (определяемая более широким контекстом), а переменным — лексический вариант реализации данной позиции. Список вариантов по каждой позиции может быть подвергнут анализу на предмет разнообразия, предпочтительности тех или иных вариантов, общих для них семантических свойств и т. п. Ограничения позиционных моделей очевидны: они позволяют соотносить только варианты с одинаковым количеством и порядком структурных элементов, и, видимо, поэтому не применяются для описания вариативности текстов более сложной структуры, так как были бы и слишком громоздкими, и недостаточно гибкими.

При работе с корпусом текстов, не так легко поддающихся структурному упорядочиванию и позиционному выравниванию, зачастую используется прием, который можно обозначить как «немаркированный» способ описания вариативности: в вариантах графически выделяются параллельные места, невыделенные участки между которыми и следует рассматривать как зону варьирования. Для стихотворных и песенных текстов в качестве приема обозначения параллельных мест дополнительно используется вертикальное (табличное) выравнивание текстов (табл. 2).

Как и в случае рассмотренных выше позиционных моделей, табличное выравнивание предполагает установление отношений эквивалентности между фрагментами текстов. Текст может быть целиком разбит на классы эквивалентных фрагментов, и варианты полностью выровнены друг относительно друга в таблице (что равнозначно построению позиционной модели). Но чаще в тексте остаются немаркированные участки, расположение которых на одном уровне в таблице не поддается прямой интерпретации, так как в целях повышения наглядности авторы склонны представлять параллельные места в текстах синкретически, смешивая сопоставления на разных основаниях (лексическом, сюжетном, позиционном и т. п.).

Недостатки собственно табличной формы представления вариативности, прежде всего, в том, что она позволяет сравнить лишь несколько текстов одновременно в силу естественных ограничений ширины печатных и электронных страниц. Кроме того, табличный формат затрудняет отображение и оценку порядковых перестановок в текстах вариантов (что, в частности, проиллюстрировано в табл. 2). Надо заметить, что все рассмотренные модели, как позиционные, так и табличные, имплицитно задают порядок элементов как часть постоянной составляющей модели вариативности, не позволяя его рассматривать как переменную величину.

Предлагая собственную модель для описания вариативности, мы хотели бы преодолеть наиболее существенные ограничения, свойственные существующим способам описания вариативности. Это, прежде всего,

Таблица 2. Табличное выравнивание стихотворных текстов⁵

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-ягой
Идёт, бредёт сама собой,
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

У Лукоморья дуб спилили,
Кота на мясо зарубили,
Русалку в бочку засадили,
И на Венеру запустили.
А по Венериным дорожкам
Чертята ходят в босоножках
И ступа с Бабою-ягой
Идет-бредет за колбасой.
Там царь Кащей повсюду ходит
И спекуляцию наводит.
А тридцать три богатыря
В помойке ищут три рубля.
А ихний дядька Черномор
Уже две тысячи нашел.

ограничение на количество текстов, вариативность которых можно обобщить в модели — наша модель должна отражать все варианты, присутствующие в корпусе. Кроме того, важно четко обозначить основания, послужившие для установления эквивалентности между теми или иными фрагментами в текстах вариантов, иначе говоря, сделать постоянную и переменную составляющие модели вариативности вполне эксплицитными. Наконец, необходимо найти способ зафиксировать и проинтерпретировать ту сферу вариативности, которая в наименьшей степени доступна для описания в существующих моделях, и, в силу этого, практически не изучена — порядковую вариативность компонентов текста.

Формулировка нашей задачи в терминах модели вариативности сводится к построению такой модели, к *постоянной* части которой относится множество всех элементов интересующего нас уровня, имеющих в корпусе вариантов, а к *переменной* — набор реализованных элементов и их порядок в каждом из вариантов. Такая модель позволит оценить избирательность порядковой вариативности: какие из всех теоретически возможных порядков элементов действительно встречаются в текстах. Как нам представляется, порядковая вариативность для фольклорного материала является характерным и значимым явлением на уровне сюжетно-тематической структуры текстов, в частности, для многих стихотворных и песенных жанров современного фольклора. В данной работе мы ограничимся анализом вариативности только на этом уровне.

Для того чтобы наше обсуждение приняло осязаемый и практический характер, обратимся к конкретному примеру и проанализируем небольшую подборку вариантов широко известной школьной переделки «У лукоморья дуб срубили...». Этот пародийный текст строится по принципу снижения канонизированного школьной программой «высокого образца», с характерной для этого типа пародий деструктивной и обценной трансформацией содержания, объектом которой становятся действия, совершаемые персонажами (и над персонажами) оригинального текста⁶. Обыгрывая персонажный и предметный ряд оригинала, тексты переделок воспроизводят и его специфическую «перечневую» тематическую и синтаксическую структуру, где эпизоды нанизываются вне сюжетной связи друг с другом. Возможно, именно эта структурная особенность пушкинского текста является причиной особенно ярко выраженной тенденции вариантов рассматриваемого пародийного текста к неполному воспроизведению набора и изменениям в последовательности эпизодов по сравнению с оригиналом.

Наш корпус составили 5 вариантов, опубликованных М. Л. Лурье⁷, а также 25 вариантов, обнаруженных на различных ресурсах в сети Интернет: в подборках сайтов, публикующих развлекательные тексты (анекдоты и под.), в контексте онлайн-коммуникации (блоги, обсуждения на форумах), а также в составе любительских подборок фольклорных текстов⁸. В корпус не включались варианты, идентичные уже имеющимся, а также тексты, характеризующие сразу несколько вариантов (обычно с помощью позиционной скобочной записи — первого рассмотренного нами типа описания вариативности)⁹.

Для построения модели вариативности прежде всего необходимо выделить то множество элементов сюжетно-тематического уровня (эпизодов), которые составят постоянную часть модели.

Прагматика текста переделки требует опознаваемости персонажа или темы текста-оригинала для вовлечения его в пародийный контекст, благодаря чему переделка содержит последовательность отсылающих к оригиналу «зацепок». В нашем случае в список узнаваемых элементов попали те предметы и персонажи, которые в пушкинском тексте занимают синтаксическую позицию подлежащего, вводящего новый (ранее не

упоминавшийся) референт в пространство текста¹⁰. Два исключения из правила выбора подлежащего составляют — формула *там на неведомых дорожках*, воспроизводимая в переделках целиком, а также *сказки* из финальной формулы (*свои мне сказки говорил*), представляющие собой синтаксическую и композиционную эмфазу, также воспроизводимую в некоторых вариантах переделок. Как в пушкинском тексте, так и в переделках каждый новый вводимый предмет или персонаж организует отдельную сюжетную ситуацию, что позволяет использовать их в качестве четкого формального маркера для вычленения эпизодов. Будем условно называть такие эпизоды *функциями* и обозначать по основному персонажу или предмету¹¹. В текстах, приведенных в табл. 2 существенные, послужившие основой для названий функций, выделены жирным шрифтом.

Установив список из 20 функций по пушкинскому тексту, мы записали все тексты нашего корпуса в виде последовательности данных функций, например: **дуб** — **русалка** — **кот** — **цепь**... Каждая функция может встречаться в тексте не более одного раза. Эпизоды, ядром которых являются единожды упомянутые в нашем корпусе персонажи и с которыми нельзя однозначно сопоставить ни одну из выделенных функций (*царь Додон*, *Руслан* и некоторые другие), обозначались как специальная функция **hapaх legomena** и не включались в результаты анализа, хотя и учитывались как эпизод, занимающий определённую позицию¹².

Таким образом, мы установили между эпизодами разных вариантов, помеченных одной функцией, отношения эквивалентности, что аналогично табличному или позиционному выравниванию вариантов. Однако в нашем примере отношения эквивалентности покрывают все тексты корпуса целиком (за исключением особо оговоренных hapaх legomena).

Полученный массив данных, будучи формализованным представлением текстов, позволяет выразить разного рода структурную информацию о корпусе вариантов в виде количественных показателей. В частности, источником таких показателей может служить частотная информация: для каждой функции можно вычислить коэффициент ее устойчивости (процент вариантов, в которых данная функция реализуется), а также наиболее частотные сочетания с другими функциями. Следует оговориться, что при характерных для фольклористики небольших размерах выборок (корпусов вариантов одного текста, наш корпус в 30 вариантов представляется довольно типичным в этом отношении), многие статистические меры оказываются неприменимыми либо непоказательными, поэтому не следует придавать большого значения величине конкретных цифр. Тем не менее, даже при малых выборках количественный анализ может помочь выявить значимые *контрасты* (например, между весьма частотной и крайне редкой функцией или сочетанием функций), которые могут служить предметом для вполне содержательных интерпретаций.

Однако обратимся к основной задаче нашего анализа — поиску способов описания порядковой вариативности. Зафиксировав набор возможных функций в качестве постоянной составляющей модели вариативности, в качестве переменной величины выберем порядок следования функций в каждом отдельно взятом варианте¹³. Дальнейшая задача состоит в том, чтобы обобщить сведения обо всех имеющихся в корпусе порядках (значениях порядковой переменной) и вычленив в них зоны большей и меньшей устойчивости. Естественно двигаться к такому обобщению от позиционных свойств отдельных функций.

Одним из очевидных позиционных свойств отдельного содержательного элемента текста является большая или меньшая устойчивость его расположения относительно общей композиции текста. Так, для многих жанров характерно наличие устойчивого зачина, а, например, для сюжетных текстов значимой позицией может быть и конец, если он предполагает сюжетную развязку. Располагая формализованными данными о порядке элементов в тексте, можно сформулировать простейшие количественные показатели степени устойчивости отдельно взятого элемента относительно начала или конца текста. Для этого преобразуем наши данные в таблицу, где напротив каждой функции укажем ее порядковый номер в тексте для всех вариантов, где она присутствует. Пример такой записи отражен в табл. 3 в колонке «Пример», который следует читать как последовательность функций «дуб — кот — русалка — ступа — 30_витязей». Аналогичным образом составляется таблица порядковых номеров функций *от конца* текста, причем для наглядности мы будем записывать номер позиции с конца как отрицательное число (-1 означает последнюю функцию в тексте, -2 — предпоследнюю и т. д.). Такая таблица позволяет вычислить для каждой функции среднее значение ее порядкового номера от начала или от конца текста, а также степень разброса значений. При достаточном количестве данных (больше, чем несколько случаев) и низком показателе разброса среднее значение говорит о выраженной тенденции для данной функции располагаться вблизи соответствующей по счету позиции от начала или конца текста.

Порядковые данные по нашему корпусу представлены в табл. 3, в качестве меры оценки среднего выбрана медиана¹⁴, а в качестве оценки разброса данных — диапазон (разность между минимальным и максимальным порядковым номером функции). Также в таблице приведена мера устойчивости, определенная как доля текстов корпуса, в которых присутствует данная функция.

По данным таблицы можно выделить функции, проявляющие наименьшую позиционную вариативность (значения медиан для данных функций выделены в таблице жирным шрифтом). Помимо одной обязательной и зафиксированной в начальной позиции функции (**дуб**), сюда относится начальная группа функций (**кот**, **русалка**, **леший**, **дорожки**), причем степень позиционной вариативности постепенно возрастает вместе с удалением средней позиции функции от

Таблица 3. Таблица позиционной вариативности относительно границ текста.

F — относительная частотность в текстах (устойчивость),
M — медиана, D — диапазон

Функция	Пример	F	От начала		От конца	
			M	D	M	D
дуб	1	1,00	1	0	-8	16
кот	2	0,97	2	1	-6	17
цепь		0,57	2	2	-7	15
русалка	3	0,87	3	2	-5,5	16
леший		0,20	4,5	3	-5,5	13
дорожки		0,67	5	3	-5,5	13
избушка		0,30	6	7	-7	10
следы		0,13	6	7	-5,5	6
30_витязей	5	0,70	6	8	-4	12
дядька		0,47	8	8	-4,5	11
царевна		0,33	8	6	-4	8
ступа	4	0,50	8	11	-3	9
русский_дуб		0,03	8	0	-1	0
кошей		0,47	8,5	11	-2	6
королевич		0,10	9	2	-7	2
волк		0,40	9	8	-3	7
лес_и_дол		0,07	9,5	7	-8,5	3
колдун		0,13	10,5	4	-3,5	10
я		0,23	13	13	-2	1
сказки		0,17	15	13	-1	0

начала текста, что отражает тенденцию к сохранению устойчивого зачина, допускающего, тем не менее, некоторые порядковые перестановки функций. Другой зоной позиционной устойчивости оказалась пара финальных функций (**я**, **сказки**), тяготеющих, соответственно, к предпоследней и последней позиции в тексте. Поскольку эти функции соответствуют финальной формуле пушкинского текста, их появление в переломках на той же позиции говорит о воспроизведении общей кольцевой композиционной схемы оригинала.

Заметим, что позиционная устойчивость функции независима от ее частотности в текстах. Так, названные выше финальные функции довольно редко встречаются в нашем корпусе, однако их позиция в тексте всегда стабильна, и наоборот, весьма частотная функция **30_витязей** совсем не показывает позиционной устойчивости.

Большая часть функций в нашем корпусе показывает низкую позиционную устойчивость в терминах отстояния от начала или конца текста, формируя зону наибольшей порядковой вариативности, начинающуюся в среднем с пятой позиции от начала текста. Действительно, в тексте перечислительной структуры, характеризующемся порядковой вариативностью элементов, было бы странно ожидать устойчивой привязки отдельной функции, например, к 8 или 11 позиции. Это подводит нас к необходимости искать другой способ выявления закономерностей в позиционной вариативности для функций, не привязанных к началу и концу текста. Ключом к такому способу описания может стать поиск ограничений на *относительный порядок следования функций*.

Ограничения на относительный порядок также будем описывать для каждой отдельно взятой функции. Для этого по имеющемуся массиву данных построим для каждой функции по три списка: функций, встречающихся в тексте *только до* данной, *только после* данной и *как до, так и после* данной (учитываются все функции, предшествующие или следующие за данной в тексте, а не только непосредственно примыкающие к ней). Функции, оказавшиеся в первых двух списках, говорят о возможности существования порядковых ограничений в общей композиционной структуре текста, например, в сюжетном тексте эпизод (функция) может быть обусловлен некоторым другим и поэтому не может следовать ранее в тексте. Однако нужно учитывать, что присутствие функции в этих списках не означает обязательного наличия композиционного порядкового ограничения, так как возможна случайность — в корпусе могло просто не встретиться варианта с обратным порядком следования функций, даже если он вполне допустим. Вывод о композиционной зависимости можно с большим основанием делать в том случае, когда обе рассматриваемые функции достаточно частотны. Появление функции в третьем списке (позиция не зафиксирована по отношению к данной) говорит об отсутствии между ними композиционной зависимости и о порядковой подвижности рассматриваемой функции. Чем больше функций попадает в третий список, тем более широки позиционные возможности рассматриваемой функции. Если этот список пуст, это означает, что функция имеет вполне определенную позицию в композиционной структуре текста, разделяя все пространство содержательных элементов на те, что должны появиться до нее и те, что уместны только после. Естественно, подобные выводы также более обоснованны для более частотных функций.

Данные об ограничениях на относительный порядок отдельных функций можно объединить, что позволит оценить ограничения на внутреннюю порядковую структуру уже в рамках целого текста. В частности, противопоставление множества взаимно позиционно ограниченных функций (с заданным на нем отношением предшествования/следования) и множества функций, допускающих взаимные

перестановки (с заданным на нем отношением перестановки), можно рассматривать как разделение устойчивого и вариативного пластов в порядковой структуре текста. Формальная структура каждого из этих пластов (формальные свойства заданного на нем отношения) будет отражать характер устойчивости и изменчивости текста в целом.

Наш небольшой корпус дает интересный первоначальный материал для работы в этом направлении. При анализе пласта устойчивости корпуса обнаружилось, что он демонстрирует очень высокую степень линейной упорядоченности (заданное на нем отношение предшествования/следования является отношением частичного порядка¹⁵). То, что это не случайно и может быть подтверждено содержательной интерпретацией, косвенно подтверждается тем, что включение в порядковый анализ *haxax legomena* (функций, встретившихся в корпусе только один раз и обозначенных одинаковым символом) наравне с другими функциями приводит к нарушению частичного порядка (нетранзитивности).

Данные по относительному порядку функций в нашем корпусе обобщены в табл. 4. Для наглядности линейная упорядоченность представлена с помощью классификации функций по порядковым рангам. К первому рангу отнесены функции с пустым списком *только до* (в нашем случае это *дуб*), дальнейшие ранги назначаются рекурсивно: второй ранг получают функции, имеющие в списке *только до* функции только первого ранга, третий — первого и второго и т. д. Принадлежность функции к некоторому рангу означает, что функции с меньшим рангом могут встречаться в текстах только до нее, а функции с большим — только после. Нужно учитывать, что такая ранговая классификация является неустойчивой при небольших объемах данных (в силу обсуждавшегося выше привнесения случайного фактора редкими функциями), поэтому не следует придавать большого значения номеру ранга. При проверке на половине случайно отобранных текстов корпуса ранговая классификация получается более дробной, однако сохраняется отношение частичного порядка и общий порядок функций.

Таблица 4. Таблица порядковой вариативности

Ранг	Функция	До и после
1	2	3
1	дуб	
2	русалка	кот цепь
2	кот	цепь русалка
2	цепь	кот русалка
3	леший	
4	дорожки	30_витязей дядька

1	2	3
4	30_витязей	дорожки следы королевич царевна колдун избушка лес_и_дол кощей ступа волк
5	королевич	30_витязей дядька избушка колдун царевна лес_и_дол ступа волк
5	дядька	дорожки следы королевич избушка колдун царевна лес_и_дол кощей ступа волк
5	следы	30_витязей дядька ступа
6	царевна	30_витязей дядька королевич избушка колдун лес_и_дол кощей ступа
6	избушка	30_витязей дядька королевич царевна колдун ступа
6	колдун	30_витязей дядька королевич царевна избушка кощей ступа волк
7	лес_и_дол	30_витязей дядька королевич царевна
8	кощей	30_витязей дядька царевна колдун ступа волк
8	ступа	30_витязей дядька следы королевич избушка колдун царевна кощей волк
8	волк	30_витязей дядька королевич колдун кощей ступа
9	я	
9	русский_дух	
10	сказки	

Полученный относительный порядок функций в целом воспроизводит относительный порядок функций пушкинского оригинала. Достаточно частотных (более 1—2 случаев) отклонений всего несколько: **русалка** оказывается в текстах переделок раньше **лешего**, **30_витязей** стоят выше, чем **следы**, а **избушка** уступает позиции **30_витязям** и **дядьке**. Как нам представляется, продвижение функции в текстах переделок вперед по сравнению с оригиналом говорит о большей относительной значимости данной функции в семантическом и композиционном пространстве текста переделки.

Анализ вариативного пласта также позволяет сделать некоторые наблюдения над структурными особенностями композиционной схемы нашего корпуса. По степени позиционной вариативности (количеству функций в списке взаимных перестановок) выявляется несколько структурообразующих (невариативных в этом отношении) функций: уже обнаруженные нами при позиционном анализе начальные и конечные функции (**дуб**, **я**, **сказки**), а также **леший**, который, как оказалось, разграничивает сцену «у дуба» и последующий текст. Наибольшую вариативность демонстрирует функция **30_витязей**. Кроме того, анализ перестановочных списков позволяет обнаружить группировку функций по признаку взаимных перестановок, что можно интерпретировать как их принадлежность к одному пространству выбора, отдельной композиционной сцене в семантическом пространстве текста. Например, на

материале нашего корпуса хорошо видна подобная группировка функций **кот**, **цепь**, **русалка**. Их структурная связь хорошо объясняется их пространственной локализацией в непосредственной близости от дуба, появление здесь русалки оправдано тем, что ветви, на которых сидит русалка, неизменно относятся носителями традиции к единственному упомянутому ранее в тексте дереву — дубу.

В заключение хотелось бы обозначить некоторые перспективы работы в области систематического изучения вариативности фольклорных текстов. Предложенные соображения и способы построения моделей вариативности могут пока рассматриваться только как постановка проблемы, требующей дальнейшей тщательной разработки. Для нахождения таких описательных механизмов, которые помогали бы исследователю разобраться в вариантах, заметить структурные закономерности, ускользающие за обилием деталей в конкретных вариантах, необходимо опираться на теоретически обоснованные представления о природе процессов варьирования, опробовать их на большем и разнообразном материале текстов, различающихся жанром, периодом, происхождением и способом бытования. Кроме того, необходимо работать и над формальными качествами моделей, делая их менее чувствительными к воздействию случайности, что, видимо, требует более полного учета частотных показателей.

Тем не менее, даже предварительные результаты нашей работы позволили обнаружить некоторую внутреннюю системность при высокой степени поверхностной вариативности сюжетно-тематического плана текста. Можно предположить, что найдутся и другие тексты, обладающие подобным характером порядковой изменчивости. Например, городские песни XIX—XX вв., также зачастую имеющие литературный прототекст, могут обнаружить сходные вариативные свойства; напротив, существенно отличаться в плане характера вариативности могут традиционные лирические песни. Однако построить типологию вариативности порядковых схем возможно, только располагая сопоставимыми параметрами вариативности для отдельных корпусов вариантов. Поэтому разработка процедур, позволяющих формально вычленив некоторые параметры корпуса в отношении вариативности, как количественные, так и структурные, является необходимым условием и первым шагом к построению общей типологии вариативности фольклорных текстов.

Примечания

¹ Путилов Б. Н. Вариативность в фольклоре как творческий процесс // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 180—197; Земцовский И. И. Проблема варианта в свете музыкальной типологии: Опыт этномузыковедческой постановки вопроса // Актуальные проблемы современной фольклористики: сб. статей и материалов. Л., 1980. С. 36—50.

² Чистов К. В. Традиция и вариативность // Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. С. 105—116.

³ Путилов Б. Н. Указ. соч. С. 195—196.

⁴ Лорд А. Б. Сказитель. М., 1994. С. 62.

⁵ Текст А. С. Пушкина цитируется по изданию: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. 3-е изд. М., 1963. Т. 4. С. 11—12. Вариант текста переделки из публикации: Лурье М. Л. Пародийная поэзия школьников // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998. С. 444.

⁶ Лурье М. Л. Указ. соч. С. 430—517.

⁷ Там же. С. 443—445.

⁸ Адреса сайтов, послуживших источниками вариантов: URL:www.smeshnoe.info/story01080.html; URL:www.kto-to.narod.ru/peredelki.html; URL:www.hohmodrom.ru/project.php?prid=45104; URL:www.forum.ru-board.com/topic.cgi?forum=3&topic=0904; URL:www.bdbldjxrf.beon.ru/7883-834-u-lukomor-ja-dub-srubili-zlatuju-cep.zhtml; URL:www.plutser.ru/barkoviana/skazki/u_lukomorja; URL:www.alik-manov.livejournal.com/142260.html; URL:www.iangelo4ek.beon.ru/5708-923-u-lukomor-ja-dub-spilili-kota-na-boch.zhtml; URL:www.solovki.ca/writers_023/023_01.php; URL:www.anekdots.live4fun.ru/last/joke/90957; URL:www.nastyalavinge.beon.ru/3577-743-u-lukomor-ja-dub-srubili-zlatuju-cep.zhtml; URL:www.blogs.privet.ru/community/anti-glamour/42512266; URL:www.otvet.mail.ru/question/25583523; URL:www.uzumas.ltalk.ru/498-989-u-lukomor-ja-dub-srubili-kota-na-mjas.zhtml; URL:www.school11.zhukovskiy.ru/a9.htm; URL:www.liveinternet.ru/users/trin666/post88190924; URL://www.76-82.ru/forum/viewtopic.php?t=2173; URL:www.skazki.smeha.net/show.290.html; URL:www.lib.aldebaran.ru/author/yellis_k/yellis_k_parri_hotter_i_iznanka_magii; URL:www.lerchik505.beon.ru/11194-131-u-lukomor-ja-dub-zeleniyest-interne.zhtml (дата обращения для всех электронных ресурсов: 31.01.2010).

⁹ Поскольку нас интересует порядковая вариативность эпизодов, мы не можем рассматривать такие сведенные публикатором в одну систему тексты, так как они не гарантируют сохранения несовпадений в порядке эпизодов всех исходных вариантов.

¹⁰ С поправкой на аберрацию: 30 витязей устойчиво преобразуются в 33 богатырей, а их дядька — в дядьку Черномора.

¹¹ В нашем корпусе встретился только один текст, где в рамках сюжетной ситуации сталкиваются два персонажа (*А волк к царевне трахаться пришел*). Этот случай отнесен к функции волк.

¹² Общее число функций в 30 текстах нашего корпуса — 253, средняя длина текста (медиана) — 8 функций, минимальная длина текста (в функциях) — 3, максимальная — 19. Нарых legomena — 4.

¹³ Формально, пусть F — множество всех возможных функций (элементов текста), тогда для каждого варианта V значением порядковой переменной $rxux$ является отношение порядка на подмножестве функций f , составляющих вариант V .

¹⁴ Медиана — статистический показатель, представляющий собой среднее значение ряда, разделяющее его пополам, если данные ряда упорядочены по возрастанию при нечетном числе данных, либо среднее арифметическое двух средних значений ряда при четном числе данных.

¹⁵ Частичный порядок присутствует в том случае, если указано, какие элементы множества «следуют за» какими, причем допускается, что некоторые пары элементов могут быть несравнимыми в этом отношении (следования).

Е. В. САФРОНОВ
(Ульяновск)

К вопросу об индивидуальной вариативности фольклорного прозаического текста

На теоретическом уровне в фольклористике и смежных с ней научных дисциплинах неоднократно постулировалась зависимость произнесенного текста (особенностей его содержания, композиции, объема и др.) от таких факторов, как взаимная оценка социальных статусов и выбранный способ коммуникативного поведения собеседников; определенные интересы (вопросы) собирателя и информанта; участие в беседе третьих лиц (например, односельчан рассказчика) и т. д.¹ Однако о непосредственной реализации этих факторов в определенном рассказе или беседе, о том, как именно и в каком месте конкретного текста проявляется влияние конкретного фактора (их совокупности), чаще всего говорится или в форме предположения, или предельно обобщенно.

Такая ситуация объясняется, прежде всего, двумя причинами. Во-первых, происходящий между собирателем и информантом контакт, результатом которого является фиксация фольклорного «материала» или «текстов», представляет собой сложное коммуникативное событие. Учесть даже основные составляющие этого события чрезвычайно трудно. Во-вторых, для того чтобы понять, как тот или иной фактор влияет на произносимый текст, необходимо иметь возможность наблюдения над реальным бытованием конкретного рассказа *во времени*. Единственный способ осуществить такое наблюдение — зафиксировать воспроизведение данного текста неоднократно. Опираясь на несколько фиксаций одного и того же рассказа, воспроизведенного одним и тем же человеком, исследователь может сопоставить эти записи. Такое сопоставление — ключ к изучению бытования фольклорного текста на ином уровне (по сравнению с рассмотрением однократно зафиксированного текста), вероятно, более приближенном к тому, что происходит в «живой жизни»².

Таким образом, цель данной статьи — показать те возможности, которые открывает исследователю сопоставление индивидуальных